

Из собрания старого фотографа

А. А. Анохин,
краевед

Лет двадцать прошло, как случайная встреча с костромским старожилом Л. И. Андреевым положила начало моему неожиданному увлечению: я стал собирать старые почтовые открытки с видами Костромы. Все произошло стремительно — уличное знакомство, короткая беседа, и я оказался в его квартире. Я узнал, что Леонид Иванович в прошлом фотограф и «портретный художник» (по раскраске портретов), а теперь пенсионер и вообще свободная личность. Стены комнаты были плотно увешаны портретами и семейными фотографиями. Портреты имели вид необычный. Черно-белые снимки в рамках под стеклом, раскрашенные стараниями моего нового знакомого в яркие густые цвета, смотрелись весьма непривычно — скажем так. Артистическим жестом он указал на них и торжественно представил: «Прошу осмотреть. Каково?» Мне не хотелось огорчать старика, и я сказал, что мне нравится. Печать приятности возникла на его лице.

Мы покончили с чаем, и на столе появился альбом. «Ну а теперь Кострому посмотрим», — сказал Леонид Иванович. Впервые я так близко смотрел в историю. Домашний альбом — не музейная витрина: я вынимал открытки, разглядывал обе стороны. Большинство открыток имели письменные сообщения и почтовые штемпеля. Потертые, довольно ветхие экземпляры представляли глазам дотоле невиданный город. Он был неузнаваем. Одному разобраться в увиденном мне было не под силу, а Леонид Иванович с объяснениями не спешил. «Узнается?» — спросил он. «Почти нет», — ответил я. «Тогда позволим для вас комментарий», — сказал он и лихо подкрутил усы. «Комментария» его обернулась двухчасовой лекцией о жизни старой Костромы. Рассказ этот не был простой констатацией: прежде — теперь. Я выслушал вполне профессиональное изустное повествование горожанина-старожила со множеством метких характеристик людей, событий и случаев из городской бывальщины, участником и наблюдателем которых приходилось бывать самому рассказчику.

Я пролистал альбом еще раз: некоторое, отдаленное понимание сюжетов стало проявляться во мне.

Заглядывать к нему я стал часто. Всякий раз, когда от него уходил, уносил с собой несколько подаренных им открыток и новый рассказ из прежней городской жизни. Общение с Леонидом Ивановичем доставляло удовольствие. Он никогда не был хмурым, улыбка присутствовала на его лице. Возрастом под восемьдесят лет, а общительности и

КОСТРОМА. Видь города изъ за Волги съ Городища.

КОСТРОМА. Читальня Островскаго

Открытка из
коллекции
А. Анохина.

Из коллекции
А. Анохина.

Кострома — Kostroma

Видь съ Муравьевки на нижние добри

Отношения наши продолжались. Я, как и прежде, навещал его, а он, как мог, способствовал моим находкам. Вспоминал старых знакомых, у кого были открытки, или высказывал соображения, где их возможно найти. Часто, не помня адреса, он рисовал мне план, и я без труда находил нужного человека. Об успехах всегда сообщал ему. Он с удовольствием просматривал новые, иной раз и неизвестные ему экземпляры. Вскоре зрение его ухудшилось, он уже не мог прочитывать открыточные изображения. Но мы приспособились. Я рассказывал ему содержание открыток и, если встречался новый городской уголок, слушал «комментарий».

А потом Леонид Иванович умер. По прошествии нескольких месяцев скончалась и его жена.

Незадолго до ее кончины я зашел к ней. К их дому у меня была внутренняя потребность: иногда хотелось хоть несколько минут

Из коллекции
А. Анохина.

Из коллекции
А. Анохина.

живости природы мог позавидовать любой молодой человек. В его речи то и дело проскакивали рифмованные «штучки» (он сочинял их на ходу), а пришепывающие фразы, начиненные непривычными словами и оборотами, придавали довольно индивидуальную окраску его рассказам. Ну а когда он картинно, по-молодецки подкручивал свои седые усы, то, без всякого сомнения, вам являлся актер.

Стихотворных поговорок и «высказок» я выслушал не одну сотню. Всякий раз они звучали сообразно открыточным сюжетам. Вручает, скажем, мне открытку с видами соборов, и я слышу: «А вот держи соборы — их слизали воры». Или, если была изображена церковь, ныне отсутствующая, декларировал: «Пришел хам — сделал срам». Тексты его не были постоянными, они варьировались, изменялась их форма, но смысл оставался все тем же.

Мало-помалу он мне столько надарил открыток, что все его небольшое, но столь интересное собрание перекочевало в мои альбомы. Отдавая последние городские «памятки», Леонид Иванович произнес целую речь о пользе собирательства и закончил ее словами: «Собирай дальше. Доброе сделаешь!»

г. Кострома. Ново-Кладбищенская церковь

побыть в этой квартире. Вдова-старуха молча протянула мне небольшого размера потрепанную книжку. Это был путеводитель по Костроме издания 1913 года. Я стал благодарить, она сказала тихим усталым голосом: «Иваныч оставил тебе в память. Иди с богом». Вскоре и ее не стало. В квартире поселились незнакомые люди.

С уходом Леонида Ивановича продолжали действовать пути поиска, им определенные. Я следовал по указанным адресам и планам. Знакомые его отсылали меня к своим знакомым и родственникам, цепочка эта иногда обрывалась, но затем восстанавливалась вновь. Коллекция пополнялась. Появились дубликаты, сложился обменный фонд. Обменивая открытки из этого фонда, получал недостающие в коллекции экземпляры.

Я помню сегодня всех старых костромичей, кто отдавал или способствовал возможности приобрести открытки. Дарители расста-

Кострома.
Пристань.

вались с ними не просто, но с грустью, с беспокойством за их будущее. Равнодушных не было. Нередко приходилось прибегать к угворам, порой затыжким. Убеждал и получал нужные экземпляры из рук владельцев, отдающих для дела. Случалось, и не мог убедить.

За годы собирательства я свел знакомство со многими людьми. Наладились и утвердились связи с коллекционерами из других городов. Пожалуй, контакты с иногородними собирателями и дали в коллекцию основной приток открыток. Личные встречи и добрые отношения с ленинградскими коллекционерами более всего оказали на меня благотворное влияние. Это знатоки в своем деле, в высшей степени специалисты в вопросах филокартии и обаятельнейшие люди — Н. С. Тагрин, С. И. Самуйликович, к сожалению, рано ушедшие из жизни. Немало сделали для моей коллекции и сегодняшние ленинградцы — В. Н. Горский и В. Я. Гинзбург. Коллекционеры-корреспонденты из многих городов России приложили немало стараний к отысканию открыток с костромской тематикой и прислали их в мой адрес. Сердечная им за это благодарность!

С началом собирательской деятельности, параллельно, шел и другой процесс — нако-

пления знаний, поначалу, конечно, в связи с открыткой. Я втянулся в краеведческие занятия. Рассказы, положенные в основу моим открыточным наставником, стали первой ступенью на краеведческой лестнице. Постепенно собирался материал по истории создания открыток, об их авторах — художниках и фотографах, издателях, типографах.

С благодарностью вспоминаю то время, когда обратился к трудам В. Н. Бочкова — талантливого исследователя-архивиста, человека уникальных знаний, знатока костромской истории. Посчастливилось мне познакомиться в начале семидесятых годов с А. А. Григоровым — личностью цельной и светлой. Страсть к истории и глубина знаний позволили ему создать блестящие труды-исследования и стать примером служения делу. Немалую помощь в составлении коллекции получил я от старшего товарища книжника Н. И. Лапина. Знаток краеведческой литературы, он обладал феноменальной памятью в части костромской библиографии, прочтение к которой передал мне. Могу сказать: встречи с такими людьми и их труды, советы, наставления поставили мое коллекционирование на исследовательский путь. Так я выбрался из чистого собирательства, а это удается не каждому.

Из коллекции
А. Анохина.

Из коллекции
А. Анохина.

Фотограф
С. А. Орлов с
детьми.

Скульптура
св. Николы.
Фото
С. А. Орлова.

Пейзаж. Фото
С. А. Орлова.

Траурный
портрет. Фото
С. А. Орлова.

Собрание пополняется и сегодня. В этой костромской изобразительной галерее заключены виды городов уездных и губернского центра с их жизнью, бытом, событиями праздничными и будничными, типами населения, занятиями повседневными и общественными. В последние годы материал коллекции начинает являться зрителю. Он иллюстрирует краеведческие статьи и публикации не только на страницах местной печати, но и пробивается в издания столичные, центральные. Возможно, со временем такие коллекции, как у меня, собранные воедино, дадут материал для составления и издания «Российского изобразительного архива».

На каком-то этапе коллекционирования к теме «Костромская открытка» добавилась у меня еще одна — «История фотографического дела в Костромской губернии», подсказанная искусствоведом В. Я. Игнатьевым, и она ввела меня в мир старой костромской фотографии. Теперь у меня собран значительный материал о жизни и деятельности светописцев костромской земли. О двух из них я хочу рассказать.

* * *

По-разному входили люди в светописное дело. Одних привлекала новизна и необычность занятия, другие видели в этом способ добычи средств к существованию, третьи осваивали светопись по каким-то своим соображениям.

С. А. Орлов, крестьянин Солигаличского уезда Костромской губернии, оказался в фотографическом деле по обстоятельствам семейным.

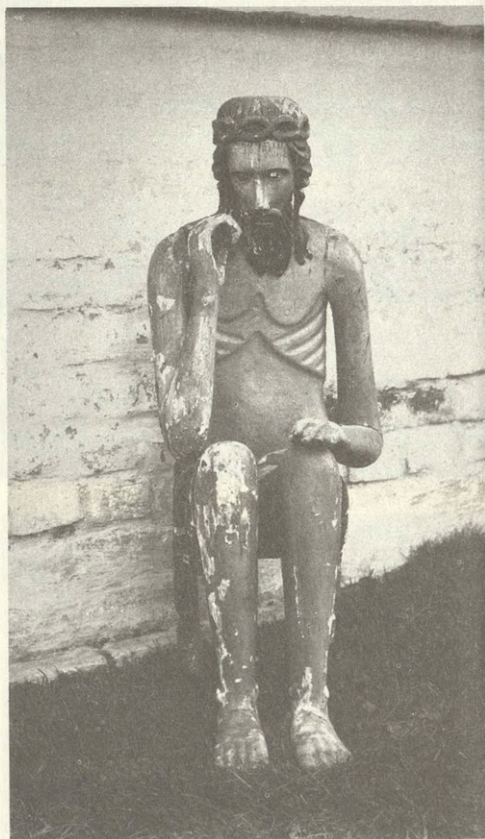
Местность солигаличская входила в те земли Костромской губернии, которые издавна считались отходными. Не жаловала хлебороба тех мест скудная земля, малопродуктивный крестьянский труд привлекал многих. Мужское население Солигаличского и соседних уездов искало больше занятий ремесленных, кустарных, оставляя женщинам земельные заботы.

Эта губернская сторона выращивала и поставляла в другие российские места, больше северо-западные, костромских мастеров-спе-

циалистов. Плотники, каменщики, столяры, паркетчики, маляры — множество мастеровых людей отдавала губерния на чужбину. В самой губернии мастеров-отходчиков называли «питерщики». «Питерщиками» становились по наследству. Не миновала отходная судьба и Сергея Александровича Орлова (1867—1919) — крестьянина Корцовской волости деревни Сандоба.

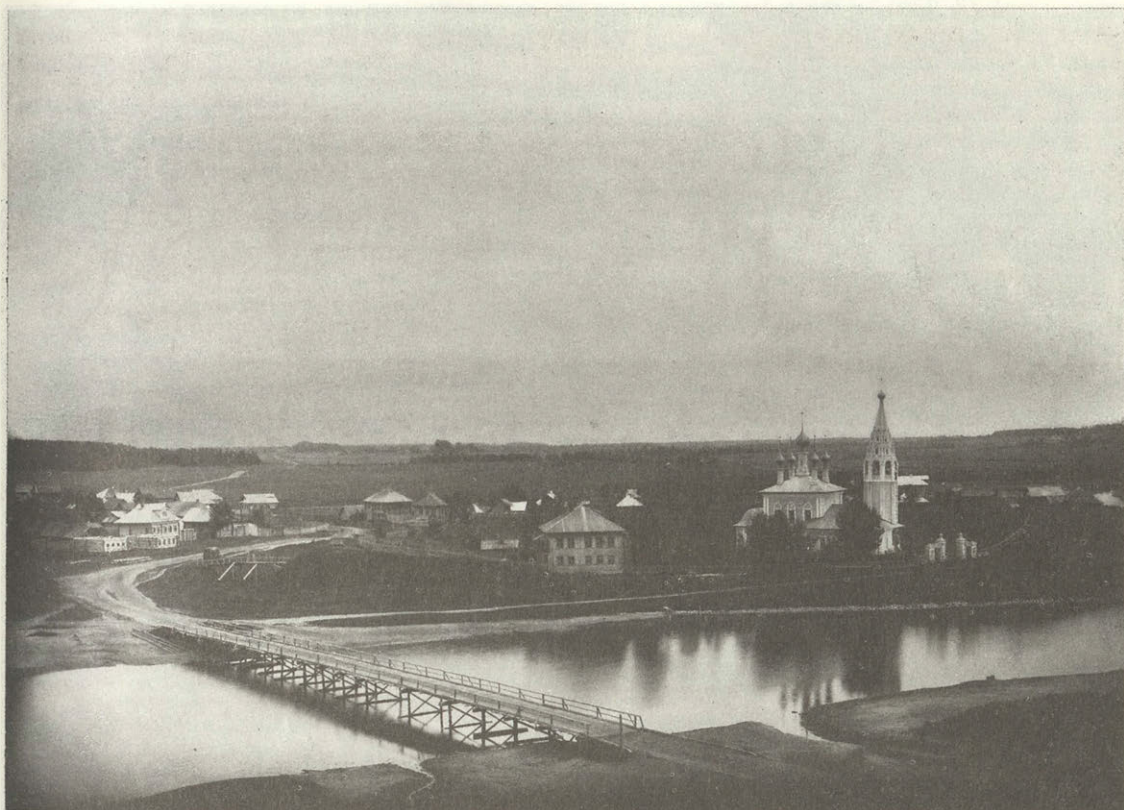
Когда Сергею вышел возраст, отец-маляр увез сына в столицу — постигать малярное искусство. Несколько сезонов провел он с отцом в Петербурге, наезжая домой лишь по зимам. Стал настоящим «питерщиком». В столице освоил и живописное ремесло — исполнение росписей. Детская страсть к рисованию пригодились.

Однажды по окончании сезона, который сложился вопреки ожиданию неудачно, отец принял решение остаться на зиму. Так делали многие в сезон малых заработков. Отец определился истопником, а Сергей, прискивая

место, оказался в услужении у фотографа. Новое по тем временам фотографическое дело увлекло и обворожило крестьянского юношу. Через несколько лет, пройдя все ученические ступени на светописной лестнице, состоялся фотограф.

Выйдя из учения, он начал практическую работу в найме у разных петербургских владельцев ателье. Домой приезжал нечасто. Но лелеял мысль — открыть в родных местах собственное фотографическое заведение. Скудость средств не позволяет ему сразу открыть свое дело. Деревенские порядки предписывали, женившись, обустроить собственный

дом, стать самостоятельным хозяином. Возвратился к прежним питерским малярно-художественным занятиям. Только в тридцать пять лет, будучи уже отцом семейства, заветную мечту осуществил: в селе Корцове, в двадцати верстах от уездного Солигалича, при собственном доме открыл фотографию.

Съемочный павильон со стеклянным потолком и стенами пристроил к дому. Декорации и вывеску написал сам. Весть об открытии заведения разошлась по округе. К вновь-явленному фотографу стали протаптываться дорожки крестьянской клиентурой со многих волостей уезда. Потребность в мастере-фотографе давно была необходимостью у местных жителей. Если «питерчики» в столице имели возможность пользоваться услугами любого фотографа, чтобы отослать домой свое изображение, то домашние, особенно жители уездных глубин, такой возможности были лишены. Открытие своей деревенской фотографии предоставляло возможность пользоваться услугами павильона всем и в удобное время для каждого.

В практике любого, а провинциального фотографа особенно, передвижения необходимы. Поэтому и Орлов совершал такие поездки в моменты затишья, отсутствия клиентов. Он добирался в малодоступные места Солигаличского и соседних с ним уездов. Быть может, в таких путешествиях по губернии родилась у него мысль обстоятельной фиксации окружающей жизни — быта, событий, людей, памятников церковной старины. Так начала складываться «Коллекция фотографа Орлова». Для ее создания потребовался не один год разъездного фотографического труда. В уездах губернии — Буйском, Галичском, Солигаличском, Чухломском — пропутешествовал Орлов с увесистым набором аппаратуры и грузом стеклянных пластинок.

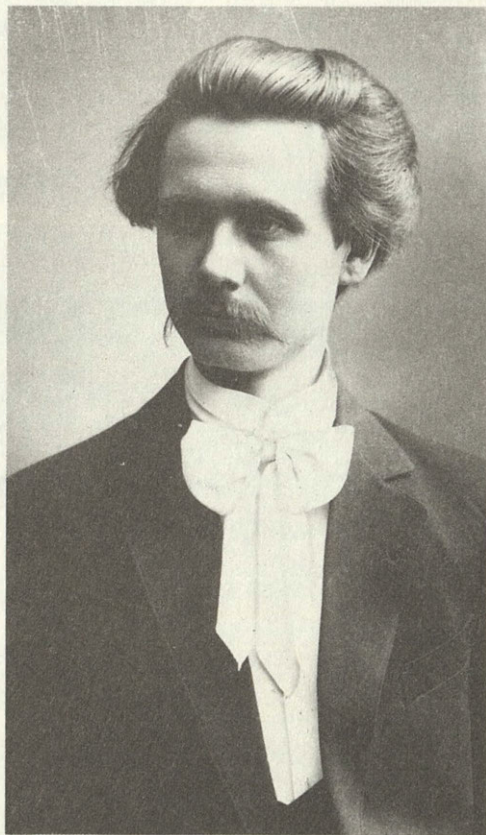
Об этом уникальном собрании фотографий можно было бы написать порядочного объема труд, но я постараюсь рассказать о нем лишь в нескольких строках. У Орлова нет случайных кадров. Каждый снимок взвешен, обдуман, характерен, выверен сюжетно и композиционно. Самый большой раздел его коллекции — снимки архитектурные, это главным образом городские и уездные монастыри, храмы, часовни. Особую ценность представляют снимки деревянных культовых зданий, нынче утраченных почти целиком. Немало у него и интерьеров церквей, снятых с большим умением. Интересны фотографии церковной утвари, деревянных скульптур, страниц из старинных служебных книг, иконостасов, икон. Все это — бесценный материал для ознакомления с художественными памятниками прошлого. Богата этнографическая серия — снимки типов жителей, групповые портреты, занятия уездных обитателей.

Как же сложилась судьба этого интереснейшего собрания? В предреволюционные годы семья Орловых переехала в уездный Галич, и здесь он вновь продолжает фотографическую практику. Еще задолго до смерти Сергей Александрович высказывал тревогу по поводу сохранности своего детища. Его беспокоило будущее хрупкого стеклянного архива, обращение с которым предполагалось отменно аккуратное. В голодное неустоявшееся время первых годов революции все его попытки при-

строить свое собрание в надежное место ни к чему не привели. После смерти отца в 1919 году его дочь, Анна Сергеевна, понимая важность сохранения отцовского наследия и исполняя его наказ, решает на шаг чрезвычайный — посылает телеграмму Ленину. Ответа не последовало. С годами значительная часть коллекции исчезла. И все же около сотни негативов сохранил сын — Н. С. Орлов. После его кончины и эта драгоценная для нас часть коллекции, попав не в те руки, могла исчезнуть. Но, к счастью, случилось иначе.

Ответственное хранение орловского архива принял на себя Евгений Александрович Ши-

Портрет
фотографа
А. А.
Макаревского.

Крестьяне.
Фото
С. А. Орлова.

Крестьянки.
Фото
С. А. Орлова.

лов — из тех галичан, которым небезразлична история своего города и которые всем сердцем переживают утраты прошлого. Он и сам человек изрядных знаний и фотографических умений, и сегодня благодаря его участию мы имеем возможность видеть некоторые кадры из «Коллекции фотографа Орлова», которые он любезно приготовил с авторских негативов специально для помещения в альманахе.

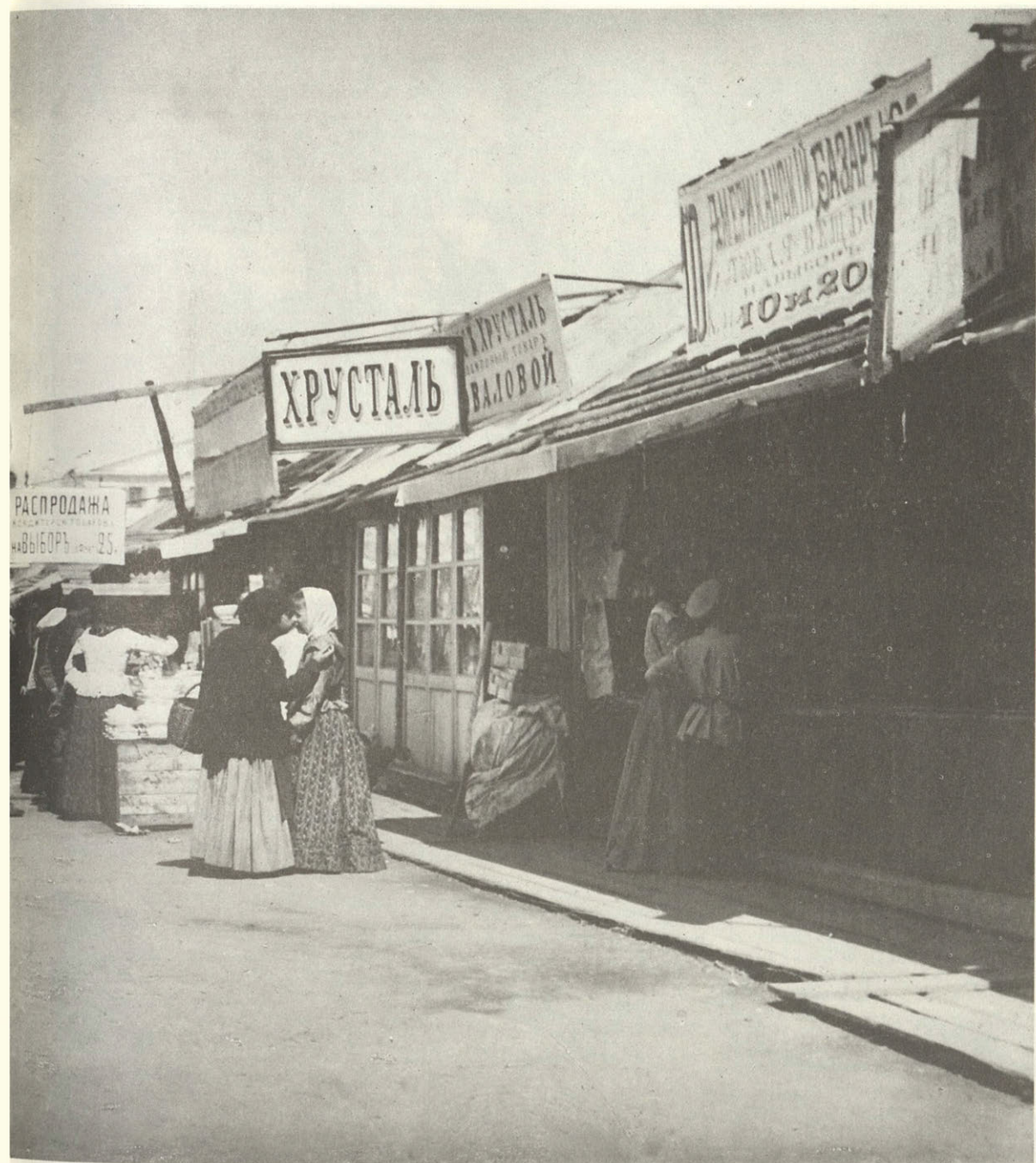
Отдельные экземпляры работ Орлова встречаются и сегодня у коллекционеров, в государственных хранилищах и просто у случайных людей. Придет время, и, я надеюсь, труд жизни Сергея Александровича, хотя бы в той доле, в какой он сохранился, откроется новому зрителю, который с благодарностью помянет крестьянского фотографа из Костромской губернии.

* * *

В 1986 году сотрудники историко-архитектурного музея-заповедника устроили вы-

Кострома.
«Девятая»
ярмарка. 1905.
На переднем
плане семья
фотографа.
Фото А. А.
Макаревского.

Кострома.
Воскресный
вещевой торг.
Фото А. А.
Макаревича.
1910.

Строительство
железной
дороги. Фото
А. А.
Макаревича.

ставку «Старая Кострома в фотографиях». Один из выставленных снимков привлек всеобщее внимание. Выигрышный большой размер, а главное, сюжет изображения способствовали тому, что зрители подолгу задерживались у этого снимка, вызывавшего в памяти картины передвижников. Спрашивали об авторе. Автор был неизвестен.

На снимке — летний день. Городской плац занят «девятой ярмаркой» — главным в городе торговым губернским праздником.

Против памятника царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину на мачте развевается символ ярмарки — российский флаг. Полдень. Людское оживление временно спало. В пространстве ярмарочных линий, вдоль лавок, павильонов, украшенных вывесками, заметно некоторое движение. Вот девушки-горожанки остановились под вывеской «Хрусталь», ведут беседу. Вот в лавке «Американского базара», где есть «любые вещи», покупатели присматривают покупку. А в

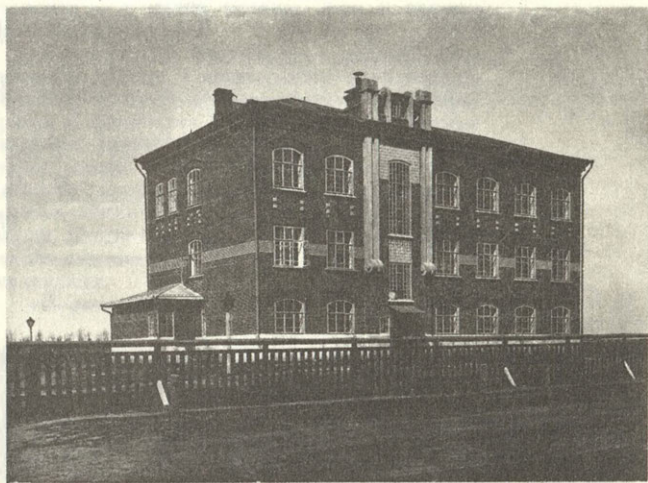
центре картины, прямо на зрителя, неспешной прогуливающейся походкой движутся дамы, ведущие за руки девочку-малышку, рядом с ними идет девочка старшего возраста. Видны отбрасываемые от них короткие тени. Можно уловить и шелест их платьев и легкие прикосновения обуви к мощеному полотну плаца. Кажется, еще несколько шагов — и вся группа сойдет в выставочный зал, внесет с собой ярмарочную атмосферу губернского города.

Спустя три года я установил автора снимка и узнал, кто на нем представлен. Фотографом оказался костромской любитель светописи А. А. Макаревский. В истории фотографического дела костромского края он своими работами оставил весьма заметный след.

Александр Александрович Макаревский (1876—1947) родом из Твери. Окончил Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения. Воспитанники этого училища получали специальность строителя. В этой специальности «кондуктор путей сообщения» Макаревский определяется на службу в Костромское губернское земство и впоследствии выдерживает испытания на звание «техника путей сообщения», в указанном звании прошла вся его дореволюционная служба в Костроме. Служебные характеристики представляли его как человека образованного, сведущего, как честного и безукоризненного земского работника.

Однако наше внимание привлекает не земский строитель Макаревский, а искусный фотограф-любитель. Фотографией он увлекся в Костроме. В начале века состоялось его знакомство с профессионалом фотографом Г. П. Куракиным, владельцем «Большой московской фотографии». Мастер-профессионал дал первые дружеские уроки, научил работать с аппаратурой. Началась пора самостоятельных трудов.

Служба земского строителя известна: постоянные поездки, командировки. Он строит мосты и дороги, школы и больницы и еще множество всяких земских сооружений. Во всех передвижениях он получал возможность наблюдать жизнь провинции, где представлялись встречи с людьми самых разных сословий, занятий, характеров. Фотокамера постоянно сопровождала своего владельца в поездах: Шла неторопливая, вдумчивая съемка. Природа наделила его способностью видеть и понимать прекрасное. Он увлекался музицированием, живописью. В живописи отдавал предпочтение пейзажу. Довольно много пейзажных картин оставил он и в фотографиях. Любовь к природе во всяком ее состоянии присутствует во всех его работах — живописных и фотографических. Его привлекает зрелище волжского ледохода, на фоне ледяных глыб фотокамера запечатлевает женщин с корзинами, полошущих белье в холодной воде. В зимний морозный день его внимание останавливает белая от инея березовая аллея с четко прорисованным узором ветвей. Снимает и санный путь, проложенный в сугробах, след шагов, оставленный путником. Сколько верст протряся он в казенных пролетках и фурах, а еще больше просагал по губернскому бездорожью! Верно, отсюда и родилась его любовь к дорожным изображениям, профессия наложила свой отпечаток.

Жизнь Макаревского от рождения и до конца дней была связана с Волгой. Оттого и налегла на его фотографические увлечения «волжская печать». Пароходные, лодочные и береговые прогулки с фотоаппаратом оставили нам кадры жизни на великой реке.

В любительской практике Макаревского следует отметить еще одну сторону подлинно творческого отношения к фотографии — того редкого и необходимого свойства, которого часто недоставало прежде и недостает сегодня профессионалам фотографам. Он был наделен этим свойством — духовной, внутренней культурой, способностью увидеть, почувствовать человека. Светлое чувство возникает у зрителя при просмотре его портретов, особенно детских. Он умел всмотреться в человека, найти тональность характера, соответственно определить компоновку кадра, его художественное, образное решение. Потому и портреты выходили у него живые и добрые.

После смерти фотографа его архив, как часто случается, за ненадобностью, в бытовой суете поместили на чердак и в чулан. Менялись владельцы, жильцы бывшего его дома, а вместе в ними исчезали и негативные стекла. Фотографии разбирались родственниками и куда-то пропадали. В начале семидесятых годов внук фотографа лишь малую часть негативов деда смог передать в музей-заповедник. Передачу оформили в спешке. В музейные фонды негативы поступили как безымянные стекла и растворились среди себе подобных единиц хранения. И все же некоторым из них удалось вернуть авторское имя. Ряд этих фотографий альманах представляет вниманию читателей.

А на снимке, который сделан на губернской ярмарке, — жена фотографа Анастасия Николаевна, его младшая дочь Мария, сестра жены Анна Николаевна и двоюродная сестра фотографа Лилия. Год 1905-й.

Земская больница в селе Красное на Волге. Автор проекта и строитель здания — А. А. Макаревский. Фото Д. Приянишкова.